

Среди книг

с Константином Львовым

Голоса непонятых печалей: неизвестные и неоконченные рассказы Пруста

МАРСЕЛЬ ПРУСТ. *Таинственный корреспондент*: Новеллы / Перевод с фр. и коммент. С. Л. Фокина. — М.: Текст, 2021. — 189 с.

Посылая “Утехи и дни” своему лицейскому товарищу Пьеру Лавалле, Пруст писал о книге: “Надеюсь, мне удалось выразить в ней самое дорогое для меня — некое ощущение метемпсихоза, которое не надо тебе объяснять”. Вышедший в 1896 году дебютный сборник Пруста состоял из рассказов о людях необычного склада ума и поступков — достойных эпитафиях дез Эссента и его прототипа Монтестью, которого Пруст называл своим литературным учителем. Новеллы сопровождалась очерками нравов, стихотворениями в прозе и поэтическими портретами художников и композиторов. Предисловие написал Анатоль Франс, иллюстрировала книгу Мадлен Лемер, и Пруст, друживший с ее дочерью, первоначально думал озаглавить сборник по имени летней резиденции художницы — “Усадьба Ревейон”. Близкий друг автора, композитор Рейнальдо Ан сочинил четыре фортепианные пьесы на стихи Пруста о художниках, и их партитура

также вошла в книгу. Итак, получилось оригинальное, многожанровое произведение на стыке разных искусств; результат коллективных усилий, и в упомянутом письме Лавалле Пруст подчеркивал, что старался выразить “общее наследие душ”. И вот спустя более чем сто двадцать лет эта незаурядная книга обрела свое продолжение!

В 2019 году филолог Люк Фрэсс выпустил критическое издание девяти рассказов Пруста, написанных в то же время, что и главы “Утехи и дней”. Фрэсс сопроводил тексты Пруста собственными статьями, в которых устанавливает место неизвестных новелл в наследии писателя. Неизвестные и незавершенные рассказы сборника были обнаружены, сохранены и описаны крупным исследователем Пруста — Бернаром де Фаллуа (1926–2018). Еще студентом он задумал написать диссертацию о Прусте. Андре Моруа, автор биографии 1949 года, познакомил Фаллуа с племян-

ницей писателя Сюзанной Мант-Пруст, которая допустила молодого филолога к архиву Пруста. Результатами его работы стали две книги сочинений молодого Пруста: “Жан Сантей” (1952) и “Против Сент-Бёва” (1954). Подготовленный Фрэссом сборник также основан на разысканиях Фаллуа и фактически посвящен его памяти. Отныне он существует и на русском языке.

Прежде чем раскрыть неизвестные страницы Пруста, следует назвать некоторые принципы его ранней поэтики. В 1894 году молодые литераторы, и Пруст среди них, учредили ироническую Канакскую академию (по имени народа французской колонии Новой Каледонии). Группировались они вокруг салона Эредиа, и королевой своей выбрали его дочь Мари, скоро ставшую надежной подругой и неверной женой Анри де Ренье. Отличительными свойствами канакской изящной словесности Пруст считал “детскую грацию, благородную меланхолию и глубокую искренность” (письмо Мари Эредиа, 31 октября 1894 г.). И если сравнивать тексты “Утех и дней” с отброшенными и неоконченными, то близость вторых к идеалам канаков очевидна. Пруст уже в своем дебюте хотел перешагнуть сразу через несколько ступеней и от биографической искренности уйти к сложным литературным проекциям, потому и упомянул метемпсихоз в дарственной надписи. Скорее всего, критерий отбора Пруст кратко и четко обозначил в юношеском письме: “Слишком искренне и по-

тому неправда” (Роберу Дрейфусу, октябрь 1888 г.). Помимо принципов стоит вспомнить источники вдохновения молодого Пруста: рассказы Льва Толстого (особенно “Смерть Ивана Ильича”), необычайные истории Эдгара По и сочинения французских символистов. Для иллюстрации связи с последними достаточно указать на фрагмент “Сознание любви”, где героя сопровождает несуществующий зверек — наполовину кошечка, наполовину белочка, с белым мехом, голубыми глазами и птичьим хохолком, — символ невозможности любви.

Сборник 2019 года составлен из девяти рассказов и фрагментов разной степени завершенности; опубликованы они впервые, за исключением “Воспоминания капитана”, которое Фаллуа напечатал еще в 1952 году. Связь этих новелл с “Утехами и днями” не только хронологическая. В рассказе “Полина де С.” Пруст поясняет название своего будущего сборника: “Утехи, развлечения, какие-то труды — до смехотворности ничтожны, ужасающе малы и нереальны. Размышления о жизни и смерти, эмоциональные глубины искусства, доброта, милосердие, раскаяние — вот что реально”. Новелла “Таинственный корреспондент” первоначально включалась Прустом в сборник, но была отложена, вероятно, из-за рискованной темы лесбийского влечения. Некоторые тексты “Утех и дней” из цикла “Мечты в духе иных времен” представляются кардинально переписанными

набросками издания 2019 года. Седьмая часть цикла вполне могла произрасти из “Воспоминания капитана”, “Встреча на берегу озера” — из “Жака Лефельда”, а “Похвала плохой музыке” — из фрагментов “После Восьмой симфонии Бетховена”.

Теперь обратимся к темам и идеям архивных рассказов. Неизвестные страницы Пруста кажутся ареной битвы добродетели и порока: “Наши бедные жизни в отчаянии влачатся между течениями сладострастия, отдаться которым им не хватило смелости, и гаванью добродетели, пристать к которой им не хватает сил” (“Таинственный корреспондент”). Персонажи Пруста, мужчины и женщины, изолированы в двуполом мире. Идеальные мужчины — это военные: “артиллеристы, чьи ремни не так-то просто — и не так-то быстро! — было расстегнуть; драгуны, которые рискуют поранить вам ноги длинными шпорами, когда случается прижаться к ним на канаве слишком близко; все эти уланы, кирасиры, стрелки, что скрывают под слишком плотной тканью мундиров свои авантюрные и беззаботные сердца” (“Таинственный корреспондент”). Здесь следует вспомнить, что Марсель Пруст год служил в армии в Орлеане (1889–1890) и был лихим дуэлянтом; он внимательно наблюдал за французской военной машиной, а экземпляр “Утех и дней” отправил в форт Мон-Валерьян заключенному туда полковнику Пикару — спасителю Дрейфуса. Лучшие же из современных

женщин есть “произведения искусства, предметы роскоши или даже погибель помыслов и культов”. Любовь для молодого Пруста — одновременно и уважение, и отвращение (см. “В преисподней”), — конечно, к великолепным военным и шедеврам искусства трудно испытывать одновременно столь разные чувства. И вот тогда эти идеальные и изолированные создания пускаются в путь по направлению к Содому и Гоморре. “Таинственный корреспондент, — Христиана пишет инкогнито своей давней подруге Франсуазе, — Вы были, не ведая о том, моей духовной спутницей. Но мне этого мало. Я желаю вашего тела”. А безымянный капитан вспоминает свое короткое, всего на день, возвращение в город, где он служил прежде, и мимолетную встречу с незнакомым капралом: “Он ввел меня в таинственный соблазн, и я сразу стал следить за своими словами и жестами, стараясь ему понравиться”.

Разумеется, утонченные персонажи Пруста ищут любви не только в объятиях себе подобных. Существует любовь к Богу, и служитель его рекомендует адресату “таинственного корреспондента не уступать желанию, чтобы не уничтожить жертву всей жизни больного, на которую он пошел по своей доброй воле и во имя чистоты той, кого полюбил”. Можно, по примеру Жака Лефельда, полюбить какую-то часть Природы: “Озеро показалось мне столь прекрасным, что на следующий день я не мог отказать себе в удовольствии его увидеть... Ничто не

могло сравниться с той меланхолической экзальтацией, которую я испытывал на берегу у вод, в которые был влюблен и где в тот вечер столь грустно покоилось небо меж лебедями и лодками”.

Самым же действенным противовесом невозможной любви Пруст называет нечто такое же сильное и неуловимое — дар творческого вдохновения. Наиболее яркий пример — музыка, когда звуки — чистые сущности, облакаются “пленительным и утонченным телом мелодии” (“После Восьмой симфонии Бетховена”). Творческий гений сопряжен с недугами, страданиями и предчувствием смертного порога. Об этом лирического героя извещает *фея непонятых изяществ*: “Все люди будут причинять тебе зло, ранить тебя — те, кого ты не будешь любить, но еще больше те, кого ты полюбишь... Болезнь лишит тебя многих удовольствий. Ты не сможешь охотиться, ходить в

театр, ужинать в ресторане, но зато она позволит тебе предаваться другим занятиям, которыми люди обыкновенно пренебрегают, но которые на излете своей жизни ты, возможно, сочтешь единственно значимыми” (“Дар феи”). Вероятно, смирение перед этими дарами очерстит чувства, но взамен поле искусства покроется цветущими фиалками, будто после апрельского ливня.

В конечном счете уже в молодости и безвестности Пруст решил, что служение своему гению важнее всяческих утех и дней, пускай и самых возвышенных. Он пишет об этом в наброске без заглавия, который завершается историей перелетных птиц: “Когда им угрожает холод, бог вкладывает в их сердца стремление улететь в теплые края, чтобы они тем самым повиновались закону, который велит им не столько хранить верность земле, сколько петь”.